

С Чернобылем рядом

...Солнце садилось в красный закат. Как раз там, где был Чернобыль, на фоне заката над лесом туда-сюда медленно летали два вертолета. Большие и черные, они казались молчаливыми рыбами, потому что рокот моторов не доходил до слуха. За каждым тянулся фиолетовый хвост брызг.

«Дефолианты пробуют», - пояснили мне. Дефолианты применяли во Вьетнаме американцы, чтобы деревья в джунглях сбросили листву и удобно было находить партизан. Теперь этот метод пробовали в чернобыльской зоне. Думали: деревья сбросят зараженные радиацией листья, и они не станут распылять ее по ветру. Пробовали все, не зная еще, как избавиться от этой не совсем понятной радиации. В год, когда в Чернобыле взорвался реактор, я работала в «Белорусской ниве». Взрыв произошел 26 апреля 1986 года, а моя командировка в Брагин - это соседний район - была в середине мая. Сейчас уже написано много статей, даже книг о том времени. Но всякий раз, когда заходит речь о чернобыльской трагедии, я вспоминаю именно эти черные вертолеты на фоне красного неба.

Первое впечатление - на Гомельском вокзале. Здесь ожидали поезда в Прибалтику детишки из так называемой тридцатикилометровой зоны. Детей увезли, как только поняли: с радиацией шутки плохи. Пока эти взрослые раскачаются... На вокзале ни шума, ни беготни, что свойственно в 10-12 лет. Дети сидят, как старички, в ряд на скамейках. И в глазенках - страх. Их оторвали от мам и пап, они запуганы радиацией, у которой ни вкуса, ни запаха...

А в Брагине мыли из брандспойтов крыши домов, белая пена стекала по стенам. «Это специальный состав для уничтожения радиации?» - спрашиваю.

«Нет, обыкновенный стиральный порошок, - пояснил один из мойщиков. - Пыль с крыш смываем, потом лопатами сгребаем землю в грузовики и отвозим за город, на могильник». В голосе его явно чувствовалась безысходность. Видела я потом тот могильник - яма, едва прикрытая песком...

В тридцатикилометровую зону уже не пускали. Договорилась с военными на их «уазике» поехать в Комарин. Это, вообще-то, тоже зона, но почему-то Комарин не выселяли. То ли радиоактивное облако его обошло, то ли посчитали, что слишком дорого обойдется переселение (Комарин же не намного меньше Брагина). Несколько километров ехали вдоль забора из свежеструганых досок: там, вроде, радиация, а здесь нет ее.

Комарин - город моего детства. Теперь его не узнать! Помню его песчаные улицы, дубы над Днепром... Теперь асфальт, новые дома. Старую свою школу не нашла - здесь нынче универмаг. Зеленый причал на Днепре засыпан щебнем. Людей на улицах мало, сидят по домам, прячутся от радиации. Или вовсе уехали.

Но особенно поразили мое воображение пустующие деревни. Солнышко светит, сады еще занесены бело-розовыми лепестками (только что отцвели!), на грядках зреет клубника, а в селе - ни души (тогда еще не было мародеров). На деревьях - куры! Оказывается, они туда залезли, спасаясь от собак, оставшихся без хозяев. На обратном пути нашу машину мыли трижды. Чтобы мы не завезли в Брагин радиацию. Подобрали по дороге старушку.

- «Партизанка», - сказал, ухмыляясь, водитель.

Деревню выселяли поспешно, люди не успели собраться. Вот и возвращаются хозяева то за тем, то за этим. Идут в зону ночью, минуя посты. Потому и зовут их «партизанами». А обратно - выходят на дорогу, голосуют. Приказ есть: всех вывозить из зоны. Знают: кто-нибудь подвезет!

Бабка оказалась словоохотливой:

- Говорят, радиация... Не ешьте щавель, в нем много этих самых «нуклидов». А он-то вырос такой аппетитный! Я нарезала да и сварила. Положила в горшок, поставила на камин, а сама из-за угла поглядываю: взорвет горшок или нет? Не взорвало! Наелась любимого супа вволю, вкус хороший. Вот вам и радиация.

Да, и такое бывало...

Возле самого Брагина вышел на дорогу еще один «партизан» - дед Иосиф:

- Когда выселяли, я «абцужкі» забыл. А без этих «абцужкоў» я, как без рук! Радиация? Мне она на пользу! Наше село на другом берегу Припяти, недалеко от Чернобыля. Я там коров пас. День пасу - а реактор горит, два пасу -- черный дым над реактором стоит, вертолеты летают. А на третий день я встал с постели и распрямился! Надо вам сказать, я три года уже согнувшись ходил - радикулит. А тут враз распрямился.

- Еще бы! - прокомментировал всезнающий шофер. - Все равно, как радоновые ванны принял.

И такое было...

Ночевать решила в колхозе имени Тельмана Брагинского района у старых знакомых: Станислава и Марии Гермелей. Станислав Владимирович - человек известный - кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, двух орденов Славы, многих медалей за труд. Это к нему, победителю соревнований на жатве, я в свое время была послана от газеты, чтобы осветить передовой опыт. А познакомившись с семьей, написала очерк о его жене Марии Кузьминичне. Очерк был опубликован в «Белорусской ниве» под названием «Сердца нежные струны». Не зря Станислав Владимирович говорил: «Половина моих наград принадлежит Марии». Она и помощница мужу, и советчица, и троих детей мудро воспитывает. Вот к ним я и поехала.

Как и в прошлый раз, хозяйина дома не застала.

- Видите облако пыли? - указывая в окно, сказала Мария. - Это же Гермель землю пашет, пыль ядовитую глотает...

В доме Гермеля, кроме меня, были гости - семья председателя сельсовета из выселенной деревни, попавшая в тридцатикилометровую зону. Сам, его жена Катя и двое детей. От Кати я и наслушалась подробностей выселения. Очень это было болезненно для людей. Хотя в ту пору и необходимо. Ежедневно появлялись таблички: загрязнение 60 кюри, 80 кюри... Страшно. Погода чудесная, нигде ничего не чернеет, не плавится. Колодцы накрыли пленкой - вода «грязная», хотя на вид чистая, как слеза! Ученые советуют дрова «обмывать», а те горят, хоть бы что. Клубника зреет, яблоки наливаются... Молоко не пить, говядину не есть,

картошку и ту варить не стоит. Нельзя! Скот угоняли, уничтожали, мелкую живность расстреливали. Эвакуация! Как в войну. Ничего не позволяли брать с собой - все «светилось». Бабы ползали на коленях - просили не увозить их из дома. Некоторые старики прятались, убежали в леса.

* * *

С Гермелями мы после того встречались только однажды, когда мальчики поступали в политехнический институт. Геннадий и Володя сидели у меня за столом, как два дубка, совсем одинаковые. Тогда еще семья жила в Брагинском районе. Поэтому я удивилась, когда Гена позвонил мне из Червеня. Оказывается, окончив институт, ребята были направлены в Червенский район, за ними последовали из Брагина отец с матерью. Из загрязненного Брагина в чистый Червень... Здесь молодые Гермели работали, женились, завели детей. А одна из невесток организовала, как в Брагинском колхозе имени Тельмана, вечер «Лучшая семья».

-- Устроили овалцию, особенно когда вывели на сцену отца с его орденами, - хвалится Гена.

Очень жалею, что не смогла быть на этом вечере. В газете уже не работала, на пенсии. А жаль... Было бы неплохое завершение для чернобыльской поездки...

Инецца МИЦКЕВИЧ,
член Союза журналистов Беларуси,
заслуженный работник культуры.

Источник: Бел. нива.-2009.- 15 апр.-С.3.